

Первым в доме, где-то в сентябре, появился Блиц. Назвали его так в честь популярной городской газеты — Караван-Блиц. С короткими лапами и маленьким туловищем, покрытыми черной вьющейся шерстью. Уши его всегда были прижаты, а взгляд, если может быть такой у собаки, опущен вниз. Как будто он постоянно боялся получить по башке. Зато красная и мокрая пасть постоянно ощерена в усмешке. Был он неказист, незлобив, но очень активен. Радостно ввязывался во все дворовые собачьи свары, когда Хозяйка водила его выгуливаться дважды в день. Визгливо заливался в ответ на любой шум в подъезде или звонок в дверь. Правда, при виде хозяев и вообще людей, приветливо стучал посевевшим хвостом об пол. Если бы Блиц родился человеком, он бы стал мелким воришкой, kleптоманом. Тащил он ежедневно, у Хозяйки новые бюстгальтеры на резинке, у Хозяина — пачки сигарет и импортные зажигалки. Затаскивал добычу к себе в логово — под кровать в спальне — и с хрустом сгрызал все до мелких крошек.

Как-то раз Хозяин поймал его, что называется с поличным, с новой зажигалкой в зубах, и сгоряча дал ему легкого пинка под зад. Какую истерику закатил тогда незадачливый воришка! С визгом и воем, как будто его убивают, пронесся пес из гостиной в спальню и оскорбленно затих под кроватью. Хозяйка ничего не сказала Хозяину тогда, только губы недовольно поджала.

Покуриив на балконе и успокоившись, Хозяин стал искать Блица. Чтобы помириться. Тот лишь тихо поскуливал под кроватью, но на уговоры не отзывался. Пришла ночь, и все в доме легли спать. Да только Хозяину, томимому муками совести, не спалось. Все ворочался он с боку на бок, пока вдруг не уперся рукой в горячий прощающий язык, облизывающий его из-под кровати.

— Хороший мой! — приговаривал Хозяин, растроганно лаская морду пса.— Прости меня! Никогда не буду больше!

Негромко стучал об пол хвост в ту ночь и еще долго слышны были уговоры, извинения и поскуливание. Все были прощены и воцарился мир.

А потом появилась Макс. Красавица кошка с белой мордашкой и тельцем в черную крапинку. Шикарным розовым носом, похожим на маленькое мокрое сердечко.

Когда она сердилась, розовый нос становился темно-малиновым. Еще подушечки лап у нее были нежно-розовыми. А называли ее так в честь Хозяйкиной любимой радиостанции.

Первое, что Макс сделала, запрыгнув на кресло и изящно выгнув спину — когтистой лапой поддала под зад Блицу. Тот как раз копошился с очередной добычей под креслом. Но вместо того, чтобы наказать нахалку, пес опять с воем и визгом позорно бежал через всю квартиру в убежище.

Он, правда, иногда пытался похотливо пристроится к Максусзади, для своих мужицких надобностей. Но ловкая кошка либо прыгала с места на спинку кресла, цепляясь когтями за обивку. Туда, где Блицу было ее не достать. Или, если бежать было некуда, била насильника острой лапой по морде. Тот вскоре и сам перестал к ней приставать.

Пришел декабрь. Хозяйке предложили работу. Получше, но в другом городе. А была она тогда уже на пятом месяце. Решили, что двоих животных, да еще с ребенком семья не прокормит. А потому решили, что Хозяйка с Максом поедут на новое место, а Хозяин будет продавать квартиру и искать Блицу «хорошие руки». Через знакомых нашли бабку, живущую в частном секторе за городом. За небольшую плату согласилась она собаку взять. И вот в морозный зимний день Хозяин повез пса на новое место на городском автобусе. Всю дорогу Блиц отчаянно трусил и даже мелко дрожал как будто везли его на убой.

— Да не бойся ты так, дурень! — утешал его Хозяин, почесывая пса под ухом, — никто тебя там мучить не будет!

Однако последние несколько метров до нового дома испуганного Блица пришлось нести на руках. Так как сам он был идти не в состоянии.

Но как только перешагнули через деревянную калитку, Блиц вдруг успокоился. По чистому, выметенному двору как по проспекту деловито вышагивали несущки со своим выводком. В углу, позвякивая ржавой цепью, дружелюбно виляла хвостом очень старая дворняга. Внутри дома понравилось еще больше. Из кухни вкусно пахло вареным мясом, а по деревянному полу из комнаты в комнату носились друг за другом два молодых и нахальных кота. Один из них, рыжеватый с тонкими лапами, на ходу перепрыгнул через опешившего Блица, продолжая забавы.

Позже бабка расскажет Хозяину, что Блиц иногда играет с котами, а еще очень хочет стать сторожем. Для этого он теперь отважно лает на всех прохожих из-за забора. И зажигалки с бюстгальтерами воровать перестал. Да их у бабки и нету.

Между тем у Хозяйки с Максом в аэропорту сложилось не все гладко. Не нашлось стандартной клетки для перевоза. Так что кошку поместили в обычную картонную коробку, заклеив изолентой и оставив маленькую дырку в стенке — для воздуха. И поместили в таком виде в багажном отделении.

По прилету, когда затихли звуки мощных двигателей, в салон с пассажирами из багажного донесся дикий вой. При получении багажа Хозяйка обнаружила, что коробка изодрана изнутри, а из дыры торчит белая кошачья лапа с розовой ладонкой. В дырке виден малиновый от страха нос Макса, а мяукает она столь отчаянно, что это больше похоже на ругательства. Пока Хозяин продавал квартиру на старом месте, Макс с Хозяйкой обживались на новом. Будучи уже на восьмом месяце, одна в чужом городе, да еще зимой, Хозяйка часто плакала по ночам. Было бы еще хуже одной, если бы не Макс. Верная кошка всегда была в такие минуты рядом, мурлыча и свернувшись в позе сфинкса на коленях. Очень часто сворачивалась она клубочком на хозяйкином боку, спине, а то и на животе. Так и засыпали в обнимку, коротая долгие зимние ночи. С той зимы всем другим в доме кошка предпочитала Хозяйку.

Маленьким детям, появившимся вскорости, она тоже позволяла многое. Терпеливо сносила, когда рвали шерстку маленькими ручонками или пыхтя носили по комнате. Никого из малышни ни разу не укусила и не поцарапала. Однажды двухлетнего сына даже вырвало на нее испорченными пончиками. Макс, как и все кошки, будучи чистюлей, очень тогда страдала, но терпела. И продолжала дремать в позе сфинкса на Хозяйкиных коленях и животе. Еще любила спать на козырьке от газовой плиты, а ночью воевать с ногами Хозяина, прыгая и царапая их как диковинных чудовищ. Каждое утро просыпалась она раньше всех, съедала завтрак и провожала мурлыканием взрослых на работу, детей в садик и школу. Вечером также радостно встречала их у двери, мурлыча и потираясь щеками об ноги. А когда кто-нибудь в доме плакал или болел, Макс была рядышком, урча негромко на коленях или под боком. И сразу становилось легче.

Подросли дети, превратившись в подростков. Разменяли пятый десяток Хозяйка с Хозяином, а Макс так вообще по всем кошачьим меркам стала старушкой. Все-таки почти двадцать лет прожила она в семье — срок жизни для кошек немалый. Теперь она долго спала днем на диване, а по ночам бродила по дому неверным шагом и истошно орала: «Н-Нар-Воол!». Иногда пыталась мяукать, даже рот открывала, а слышно не было. Как телевизор с выключенным звуком. Налицо были и другие признаки угасания. Перестал работать желудок как раньше, и пища все чаще оставалась на полу. Случались и прочие недоразумения, когда не успевала добежать до коробки с песком, служащим ей туалетом. Все в доме знали к чему это, но мысли отгоняли. Хотя и ветеринарный врач, старый друг семьи, уже в открытую предлагал назначить день. Но пока все лишь вздыхали и тянули время. До последней минуты.

Однажды утром Хозяин нашел Макса сидящей в своей привычной позе сфинкса, только в ванной без воды. В начале лета было жарко и дом прогревался за день как духовка, да и ночью остывать не успевал. Сидела кошка на прохладной эмалированной поверхности, вся какая-то потухшая, вялая. Даже ночью не голосила как обычно. На вошедшего Хозяина не отреагировала, даже хвостом не помахала. Вечно такая чистюля, умывавшаяся по десять раз за день, сейчас сидела она растрепанная, с торчавшими линялыми космами вместо гладкой и лоснящейся когда-то черно-белой шерстки. Просто как комок шерсти на дне пустой ванны. Лишь смотрела полузакрытыми глазами перед собой. Никого и ничего не замечая. С тяжелым сердцем ушел Хозяин на работу. А когда вернулся, Макса уже не было. Хозяйка с дочкой в слезах отвезли ее к ветеринару. Откуда кошка уже не вернулась. Так и осталась в памяти она тихо сидящей в ванной без воды, растрепанной и с потухшим взглядом.

Три месяца никто и слышать не хотел ни о новой кошке, ни о собаке и даже о рыбках в аквариуме. Дома стало тихо, грустно и пусто. Лишь исчезли из кухни две миски для корма и воды, да коробка с песком из прихожей. На четвертый месяц пошли в воскресенье в ближайший приют для животных. Так, посмотреть. В приюте коты и кошки приبلудные и людьми обиженные, но по-прежнему в них нуждающиеся, очень хотели семье понравится. И спины выгибали, и мордашками об клетку терлись, и мурлыкали приветливо. Чуть только по-человечески не говорили. Но как-то все это было не то.

Так и продолжали Хозяйка с Хозяином и с дочкой ходить из одного приюта в другой. Через месяц эти походы стали чем-то вроде воскресной привычки. Но постоянно возвращались домой одни. А в доме иногда казалось, что Макс вот-вот вылезет из-под дивана, как раньше, и, мурлыча, усядется в позе сфинкса на колени.

Но вот однажды, уже осенью, на очередных смотринах вдруг понравилось всем, как потянулась доверчиво носом к вытянутому пальцу Хозяина серая дымчатая кошка. Когда-то также тянулась к людям Макс.

Новую гостью звали по-простому: Лиза. Конечно, была она не такая красавица как Макс. И не такая смышленная. Как-будто кто-нибудь смог бы Макса заменить! Но Лиза была симпатичная, с большими глазами, серой короткой шерстью в разводах, и таким же серым и мокрым носом. Только подушечки лап были у нее не розовые, а черные. Как будто носила бархатные черные перчатки и носки. Когда принесли Лизку домой, она сразу же спряталась. День-два не появлялась и даже не притрагивалась к блюдам с едой и питьем, вновь появившимся на кухне. А пообвыкнув немного, стала Лизка новым хозяевам всячески показывать свою любовь. То, запрыгнув на диван, подлезала под руку Хозяину, тыкаясь в ладонь мордашкой: давай, мол, гладь! То ночью, держа в зубах полузадушенных кузнечика или паука, приносила и оставляла как гостинцы возле хозяйкиной подушки. То, урча и выгибаясь, поворачивалась серым задом к детям. И чем больше зад гладили, тем больше он выгибался. Иногда на потеху всем гонялась за собственным хвостом или билась с хозяйским ботинком. С топотом, как конь, носилась по квартире по ночам. Из всех домашних никого не выделяла и ни разу не замирала в позе сфинкса ни на коленях, ни на руках. Может из-за этой легкой отчужденности дети стали вдруг заводить разговор о новой собаке. Даже Хозяйка заколебалась. На что Хозяин категорично отвечал, что не представляет, как вечно спешащие подростки, которых и дома не бывает, смогут гулять с собакой два раза в день. Как всегда, решили подождать и все обдумать. Лизке, понятное дело, подобные разговоры были безразличны. Даже если бы она их понимала. Свой то дом она уже нашла. Вот и сейчас, проводив всех в школу и на работу, она улеглась на подоконнике, как когда-то Макс. И стала смотреть свой «кошачий ТВ»: на прыгающих за окном птиц и белок. Как когда-то это делала Макс. И в те минуты не было ей дела ни до чего остального. Она же не может обо всем сразу думать. И Макс не могла. И, налаявшийся за день, Блиц не мог, когда отработав сторожем, валился на свой коврик и засыпал, похрапывая. А так они почти такие же, как мы. Только ростом поменьше.

